

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ИСТОРИИ НА ФАКТИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ
АВТОР – ПРАКТИКУЮЩИЙ ДОКТОР

АЛЕКСЕЙ
МАЛЬЦЕВ

СТРАШНО
ТОЛЬКО
В ПЕРВЫЙ РАЗ

Чисто медицинское убийство

Алексей Мальцев

Страшно только в первый раз

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мальцев А.

Страшно только в первый раз / А. Мальцев — «Эксмо»,
2019 — (Чисто медицинское убийство)

ISBN 978-5-04-103043-8

Врач Петр Фролов вместе с коллективом поликлиники, где работает его супруга, едет на турбазу отмечать День медицинского работника. В какой-то момент шумное мероприятие из веселого праздника превращается в настоящий кошмар. Одну из женщин находят зверски убитой в своей комнате. Гости в шоке: кто мог пойти на такое? До приезда опергруппы Фролов, как самый опытный и хладнокровный, пытается разобраться в случившемся. Но даже у видавшего виды доктора сдают нервы, когда он понимает, в какую страшную историю оказываются втянутыми участники рокового пикника...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103043-8

© Мальцев А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Решение не из легких	6
Соломка № 2	8
Досье не на каждого	10
Велосипед в кустах	13
Джакузи и плазма во всю стену	15
Обморок в красном	17
Сплетни в планы не входят	19
Друзья по несчастью	21
Шоу американских толстяков	24
Шифровка с Марса	26
Морс из клюквы, наконец...	29
Одно с другим не стыкуется	32
Голоса за перегородкой	35
Пирсинг Великого Октября	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Мальцев
Страшно только в первый раз

© Мальцев А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Решение не из легких

Снаряд дважды в одну воронку не падает. И что? В связи с чем ему в голову залетела эта банальность?

Ах да! Юбилейный круиз на теплоходе «Хирург Бекетов» вспомнился¹. Из него, как из глубокой трясины, Петр едва выплыл, кое-как выпутался, случайно оставшись живым и невредимым. С тех пор зарекся соглашаться идти на разные корпоративы, вечеринки, юбилеи – туда, где планируют собраться больше трех человек.

Ему хватило «Бекетова»!

До сих пор иногда ночами вскакивает в поту. Хватит!

Он достал из внутреннего кармана пачку «Мальборо», закурил, опустил стекло своего выдавшего виды «Опеля», выдохнул дым за окно. Минут десять назад припарковавшись возле двухэтажного корпуса турбазы «Макарьево», он все никак не решался выйти из машины.

Почему он согласился сюда приехать? Ну и что, что «День медицинского работника»? Он – медик, бывшая супруга Элла – тоже медик, и что? Совсем не обязательно соглашаться.

С одной стороны, профессиональные праздники для того и придуманы, чтобы веселиться с коллегами. С теми, с кем делишь ежедневные крохотные радости и беспросветную выматывающую нервотрепку... День за днем, дежурство за дежурством... Это понятно и логично.

Но что будет делать он, врач «Скорой», среди коллектива медсанчасти, в которой бывает от силы раз в неделю? И то – наездом в приемное отделение. Конечно, пересекается с коллегами, многих знает, но...

В городе четыре медсанчасти, краевая и городская больницы, не считая профильных и детских стационаров. Что, с коллективом каждой отмечать праздник? Надолго ли его хватит?

Единственный аргумент в пользу именно этого коллектива – то, что в нем работает Элла, его бывшая супруга. Она, собственно, и пригласила.

Они развелись год назад, но никак не могут забыть друг друга. На днях прозвучала витавшая до этого в воздухе мысль о том, что неплохо бы попытаться склеить расколотую семейную чашку. Кто сказал несколько роковых слов – Петр не помнил, наверное, оба поучаствовали.

В качестве закрепления наметившихся тенденций и было предложено съездить на турбазу «Макарьево», где коллеги Эллы – доктора и медсестры санчасти – собирались «оттянуться по полной» в честь своего профессионального праздника.

Петр рассматривал двухэтажное здание турбазы, размышляя: а не рвануть ли ему обратно, пока его никто не видел? Элла предупредила в самый последний момент эсэмэской, что задерживается – у бабушки Пономаревой из восьмой палаты опять нарушился ритм сердца, пришлось восстанавливать.

Бабушку Пономареву, кстати, Петр сам привез в кардиологию пару дней назад. Может, и к лучшему, что ритм нарушился? Есть время поразмышлять, взвесить.

Так рассуждать для доктора – кощунство чистой воды, но в его душе зарождалось нехорошее предчувствие. Оно поселилось там с тех самых пор, как Элла предложила поехать на праздник.

Он не сразу, но согласился.

Потому что Элла заикнулась про снаряд. И про воронку.

Это случилось пару дней назад. Они возвращались после скрипичного концерта, названия которого Петр, как ни силился, вспомнить не мог. Настроение было у обоих приподнятое. У Эллы – потому что она получила заряд свежих впечатлений на несколько дней, у Петра –

¹ Речь идет о случае, описанном в романе «Тайна речного тумана».

потому что кончилось, наконец, тягостное завывание скрипок и в уши ворвалась городская какофония пиканья сигнализаций, скрипа тормозов, трамвайного лязга, многоголосья улиц...

После концерта все это показалось доктору раем.

Элла все говорила, говорила. Петр не очень вслушивался, зная, что бывшей супруге надо выговориться, после концертов ее обычно переполняли эмоции.

– Я знаю, почему ты не хочешь ехать, – Элла вдруг остановилась, развернула его к себе, хоть сделать это было и нелегко. – В тебе все еще клокочут те воспоминания, с «Бекетова». Честно признаться, я и сама без содрогания не могу вспоминать палубу, каюту, ресторан... Но ведь снаряд дважды в одну воронку не падает?

– Помню, – рассеянно ответил Петр. – Только от этого почему-то не легче.

Они пошли, взявшись за руки, какое-то время молчали.

– Невозможно с этим дальше жить, – нервно вставила Элла, нарушив паузу. – Почему нельзя просто расслабиться, выпить, потанцевать, подурочиться? Вспомнить молодость, побыть самими собой, в конце концов. У нас отличные ребята, вот увидишь...

– Ты еще зайкнись про институт, про капустники.

– И зайкнусь, человеку свойственно возвращаться мысленно в молодость, в студенчество. Это – нормально!

Они шли по вечернему городу, пререкаясь, на них обращали внимание, но они этого не замечали.

Поток воспоминаний прервала белая «Лада-Калина» с шашечками на дверце, которая затормозила неподалеку от его «Опея». Из машины грузно вывалился одетый в безразмерную коричневую куртку квадратный, наголо бритый гигант ростом под два метра. Петр даже удивился: как тот смог поместиться в этой крохотуле на колесах?

Взглянув на часы, Петр хмыкнул: «Рановато начинают съезжаться. Но по сравнению с тобой, Фролов, даже этот увалень выглядит опоздавшим».

Издали доктор не дал бы увальню и тридцати, но пока тот расплачивался с водителем, пока доставал с заднего сиденья свой багаж, Петр успел его рассмотреть в подробностях. Морщины в углах глаз и характерный жест – увалень после разгибания схватился за поясницу, словно его внезапно прострелило люмбаго, – все это говорило о более солидном возрасте.

Гигант отпустил такси и, повесив на плечо объемную темно-синюю спортивную сумку, неторопливой походкой направился в сторону парадного крыльца турбазы.

Петр вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо листок и развернул его на коленях.

«Это, скорее всего, Антон Сбитнев, уролог, – обвел он в кружок имя и фамилию в конце открывшегося списка. – Ему бы не помешало пару-тройку месяцев походить в фитнес-центр, чтобы ширина в области бедер ушла, а в плечах осталась. Но что делать с отсутствием вкуса? Кто ж при квадратном телосложении подобные куртки носит? Как он умудрился еще заработать стильный ник – Энтони, совершенно непонятно».

В век тотального Интернета с его соцсетями, гиперссылками, гаджетами и лайками, словно кликухи на зоне, ники значительно упрощали общение, характеризуя своих персонажей порой с самых неожиданных сторон.

Соломка № 2

Мысли на какой-то момент снова устремились в тот вечер после концерта. Чуть не поссорились они тогда. Наученный горьким опытом во время круиза по Каме, Петр поставил своей будущей и бывшей супруге условие: он согласится поехать на турбазу, если она предоставит ему что-то типа досье на каждого участника предстоящего вечера. Возраст, предыдущая работа, характер, привычки, уровень профессионализма, авторитет в коллективе и так далее.

Элла вначале оскорбилась, распахивалась, дескать, она с этими людьми работает не один год, но потом ей даже понравилось отвечать на его вопросы.

Когда список совместными усилиями был составлен, бывшая супруга отметила, что на некоторых из коллег она за эти пару часов взглянула немного иначе, под другим углом зрения. И это – результат их работы над досье.

Напротив уролога Сбитнева значилось: «Основателен, нетороплив, прямолинеен, примерный семьянин, любит жену и дочь». Глядя вслед удаляющемуся объекту, Петр подумал: «Что ж ты тогда по корпоративам шастаешь, если такой примерный? Сидел бы дома. Может, поссорился со своей половиной и в отместку решил гульнуть?»

Надо заметить, досье – не единственная «соломка», которую Петр решил «подстелить» себе на всякий случай перед поездкой в «Макарьево». О второй «соломке» не знал никто, даже Элла. Он и сам еще пару недель назад не предполагал, что она появится.

Пришлось однажды выехать на криминальный случай – стрельба, поножовщина... Несколько бригад «Скорой» примчались почти одновременно с опергруппой, каждый занимался своим делом: медики спасали жизни тех, кто еще имел шансы выжить, опера опрашивали очевидцев, криминалисты работали с трупами, фотографировали, снимали отпечатки. Лицо одного оперативника показалось Петру знакомым, он подошел к нему.

Оказалось, его бывший одноклассник Димон Чагин был переведен недавно из Москвы в убойный отдел их УВД. Сейчас, правда, он никакой не Димон, а капитан полиции Дмитрий Александрович Чагин. Тогда в суете одноклассник успел сунуть ему свою визитку.

Накануне поездки в «Макарьево» Петр созвонился с ним, они встретились, посидели в кафешке, повспоминали школьное время. Дмитрий рассказал досадный случай, из-за которого его турнули из столицы: выходило, что из-за его нерасторопности погиб коллега. На самом деле все случилось не так, но ничего доказать было нельзя.

Рассказал и Петр про свою поездку на «Бекетове». Одноклассник выслушал вполуха, вынес заключение: «Прям Агата Кристи какая-то!», на том и закончили. Расставаясь, Чагин коротко бросил: «Если что – звони».

Петр потянулся к бардачку, достал ту самую визитку, перечитал данные и, глядя вслед удаляющемуся Сбитневу, прошептал: «Надеюсь, не понадобится».

Едва за урологом закрылась дверь, у Петра мелькнула мысль, что подобная подготовка – составление «досье», визитка бывшего одноклассника, работавшего в полиции, все это уже само по себе – чудовищная провокация, своеобразное «накликание беды» на их пока не состоявшийся праздник. Узнай кто-нибудь из приехавших сейчас о его неблагоприятных поступках, Фролову бы не поздоровилось. Но... про «досье» знала только Элла.

Сам Петр в Бога не верил, а посему называл лежавший на коленях список и визитку, что держал в руках, разумной предусмотрительностью. Не более и не менее.

Поначалу его слегка озадачила сумка Сбитнева: зачем такой объемистый багаж всего на пару выходных? Потом он разобрал небольшую приписку на полях, касающуюся уролога – «камера». Да-да, кажется, Элла что-то такое говорила: Антон не растает со своей видеокамерой.

Отлично! Значит, видеосъемка обеспечена, все нюансы застолья будут зафиксированы.

Петр ударил по рулю: опять он исходит из наихудшего, во всем видит криминал. Может, у него уже едет крыша на почве прошлогоднего путешествия на «Бекетове»? Не полечиться ли тебе, Фролов, на психиатрической койке вместо профессионального праздника?

Ему захотелось что-то внести дополнительно в характеристику Энтони, все же из нескольких минут наблюдения должны вытечь какие-то выводы. После недолгих раздумий Петр вынул из кармана ручку и черкнул напротив фамилии уролога: «Себе на уме. Выяснить – что в сумке, кроме камеры, почему приехал так рано».

Респектабельный черный джип «Туарег», не спеша, въехал на стоянку, когда наблюдатель в «Опеле» уже начинал скучать.

Из-за руля вышел атлетически сложенный брюнет лет тридцати, с аккуратной трехдневной щетиной на щеках, в джинсах и шоколадной кожаной куртке. Пружинящей походкой он направился к дверце пассажира. Вернее – пассажирки, так как вскоре на запыленные плиты турбазы ступила ножка такого совершенства, что Петр непроизвольно скрипнул зубами. Стройную фигурку обтягивал бордовый шелк платья, золотистые волосы водопадом струились по газовой косынке. Лица девушки Петр рассмотреть не смог, да этого и не требовалось.

Об этой паре Элла подробно рассказала ему накануне. Новость о сумасшедшем романе разведенного травматолога Стаса Буйкевича и недавно устроившейся на работу медсестры хирургического отделения Анжелы Гридиной уже неделю была притчей во языцех во всей медсанчасти.

Петр невольно залюбовался, глядя им вслед. Ошибки быть не могло. Напротив фамилии Буйкевича он тут же вывел: «Джинсовый ковбой, ему бы сомбреро да револьвер на бедро», а напротив Гридиной всего пять букв: «Монро».

Досье не на каждого

Дальше продолжить мысль не удалось, так как едва пара поднялась на крыльцо, на дороге, ведущей в город, показался мотоциклист. Его шлем отсвечивал на солнце, следом развевался шлейф пыли.

На мгновение Петр ощутил себя зрителем в кинозале, где демонстрировался крутой вестерн. Ковбой на гнедом скакуне приближался к таверне, готовый в любой миг выхватить свой револьвер и открыть огонь, если вдруг что-то придется ему не по нраву.

Когда байкер затормозил рядом с его «Опелем», доктор сумел рассмотреть черную кожаную куртку с косой молнией (кажется, такие называются «косухами»), жилетку с непонятной эмблемой и кожаные штаны в обтяжку.

Заглушив мотор, байкер снял шлем. Увидев, кто скрывался под шлемом, Петр присвистнул, совершенно забыв о том, что стекло опущено и его могут услышать.

– Цитрус! Вот так встреча!

Байкер замер, потом сделал пару шагов в сторону «Опеля», чтобы рассмотреть водителя. Через секунду его веснушчатое лицо расплылось в улыбке:

– Петро! Какими судьбами здесь?

Забыв о конспирации, Фролов покинул свой наблюдательный пункт и вышел из машины, чтобы пожать руку своему коллеге, фельдшеру «Скорой» Валерию Цитрусову. Не раз и не два они вместе купировали гипертонические кризы, снимали астматические статусы, останавливали кровотечения, выводили больных из шока. Хотя сейчас в шоке, похоже, оказался сам доктор, и было из-за чего.

– Меня бывшая супруга пригласила, – подмигнул Фролов, объясняя свое присутствие на чужом, в общем-то, празднике. – А тебя кто пригласил? Давай, рассекречивайся!

– Меня тоже пригласили, я тоже вполне легально, – Цитрусов приложил указательный палец к губам. – Но пока это тайна, которая скоро будет раскрыта. Так что – потерпи! Я смотрю, ты не торопишься...

– Жду Элку, супругу бывшую, – немного замялся Петр, подбирая слова, – она задерживается, а без нее... как-то робею.

– Это ты-то робеешь? Не смейся! – хлопнул его по плечу Цитрус. – Ладно, жди... А я, пожалуй, пойду, присмотрюсь, что да как. Прозондирую, короче.

Глядя вслед удаляющемуся коллеге, Петр с трудом приходил в себя. Дело в том, что Валери – именно так его звали за глаза коллеги – женщины не интересовали. Его ориентация была далека от общепринятой, и на подстанции все об этом знали. Данный нюанс никак не сказывался на работе, поэтому никто внимания на нем не заострял. Но встретить Цитруса на профессиональном празднике медсанчасти Петр никак не ожидал. А новость, что того «пригласили», откровенно претендовала на сенсацию.

Кто мог пригласить «голубого» на праздник? Только такой же «голубой» или... Доктор перестал что-то понимать в этой жизни.

Задача с одним неизвестным.

Постояв еще какое-то время в раздумьях, Петр вернулся в машину и достал свое «досье». Цитрусов, разумеется, в списке отсутствовал, Элла про него знать не могла. Следовало срочно его туда внести.

Не меньшее недоумение вызывал у Петра и байкерский антураж приехавшего коллеги. На работе Валери никогда не заикался о мотоцикле, одевался скромно, ориентацию свою не выпячивал, хотя все были в курсе.

Но – так круто подкатить к турбазе! Это надо суметь!

«Я еще не вошел в здание, а первая загадка уже поспела, да еще какая! Кто пригласил Цитрусова?»

Последний факт рождал в душе двойственность. С одной стороны, в присутствии коллеги Петр будет чувствовать себя не так скованно. Все же, считай, несколько лет в одной упряжке. С другой – пока доктор не поймет, кто пригласил на праздник Валери, он не успокоится. И ждать, пока тайна раскроется сама собой, он не намерен! Не из того теста выпечен!

Петр снова взглянул на список. Кроме него и Цитруса мужиков на празднике планировалось еще трое: «квадратный» уролог Сбитнев, «ковбой» из джипа Буйкевич и некто патологоанатом Лунегов, которого звали Максом. Первых двух он уже видел, о Лунегове Элла что-то вчера говорила, но доктор не помнил.

Петр так ушел в размышления, что не заметил, как автопарк под названием «Макарьево» пополнился еще одним экспонатом. Из миниатюрного «Шевроле Спарк» салатного цвета тем временем появились две представительницы прекрасного пола, они, не переставая, о чем-то увлеченно щебетали друг с другом.

И снова челюсть доктора поползла вниз от увиденного, в результате чего почти докуренная сигарета упала на джинсы, рассыпав пепел. Ясное дело, на несколько секунд Петр был вынужден отвлечься от того, что происходило около приехавшего «Шевроле».

Дело в том, что в одной из приехавших он узнал свою бывшую любовь Ингу Ревенчук – еще одного человека, не отмеченного в списке.

Давным-давно, когда их семейная жизнь с Эллой напоминала тихое горное озеро, он позволил себе закрутить роман с симпатичным отоларингологом их районной поликлиники. Началось все с банального насморка, мешавшего доктору спокойно дышать носом.

Звали ЛОР-врача Инга Яковлевна, она без труда поставила Петру диагноз хронического риносинусита. Правда, обнаружив еще, ни много ни мало, полип в носовой полости. Он вспомнил, с каким остервенением она втыкала в его хоаны² стержни с ватой, смоченной эфедрином, не переставая говорить при этом:

– Ничего, это сейчас неприятно, потерпите немного, зато через минуту дышать станет легче, вот увидите.

Дышать действительно становилось легче. Спустя неделю после выздоровления Инга Яковлевна в стационаре удалила ему полип, дышать стало еще легче. После этого образ симпатичного ЛОР-врача в голове Фролова прочно связался с легкостью дыхания и воздушной приподнятостью. Причем связался так прочно, что начал требовать постоянной подпитки и обновления. Может, благодаря этому образу в постели Инга всегда предпочитала быть сверху, как бы паря над ним, более приземленным и тяжелым, чему Петр, надо признать, никак не препятствовал.

Не стоит забывать, что и на «Бекетове» она помогла ему, как никто другой. Практически бросила ту самую спасительную подсказку, которая в конечном итоге привела к разоблачению убийцы. Если бы не она, еще неизвестно, выпутался бы Петр из той катавасии живым или нет.

Инга изменилась с тех пор: похудела, стала какой-то угловатой, подчеркнута деловой. Темно-серый брючный костюм с белой блузкой, прическа-каре.

Доктор мотнул головой, стряхивая наваждение.

Погрузившись в воспоминания, он начисто выпустил из виду вторую даму, вышедшую из «Шевроле» со стороны пассажира. Инга была за рулем, она привезла подругу на своей машине.

Фролов пробежал еще раз глазами по списку и понял, что второй могла быть только Олеся Пресницкая – гинеколог. Ему пришлось довольствоваться только видом со спины. Правда, он заметил небольшую хромоту гинеколога на левую ногу, и напротив фамилии Пресницкой в досье быстро начеркал: «Выяснить, почему хромает».

² Хоаны – отверстия между полостью носа и носоглоткой, через которые происходит дыхание.

Впрочем, чего он расстраивается? У него впереди – куча времени и возможность не только рассмотреть, но и поговорить, и даже потанцевать с каждой из обитательниц турбазы. Если, конечно, Элла будет не против.

Кстати, что-то она задерживается.

Велосипед в кустах

Петр взглянул на часы. Возможно, у бабушки Пономаревой повторился приступ?

Неожиданно дверца пассажира отворилась, и на сиденье рядом с ним опустилась улыбающаяся, чуть запыхавшаяся Элла. Петр невольно залюбовался своей бывшей супругой: и когда она успела сходить в парикмахерскую, сделать прическу? И этот светлый плащ, под которым угадывались уже знакомые ему бордовая юбка и пиджачок – все смотрелось на супруге очень гармонично.

– Привет. Я словно чувствовала, что ты наблюдаешь за всеми. Делаешь пометки в своем противном «досье». Торопилась. Так и оказалось.

– Привет, – он потянулся, чтобы чмокнуть ее в щеку, но она отстранилась. – Оно не мое, а наше, мы вместе его составили, если помнишь.

– Нет – твое, ты его придумал.

– Ты приехала на такси? Я не заметил, откуда, с какой стороны ты появилась. Может, сверху, на парашюте?

От него не укрылось, что лежавший у него на коленях список заметно расстроил бывшую супругу. Вчера она на него смотрела иначе.

– Приехала на велосипеде, в кустах оставила...

Отреагировать на шутку Петр не успел: Элла схватила у него список и принялась рвать в клочья, словно какой-то компромат.

– Что ты делаешь? – возмущенно прошипел он, пытаясь вырвать у нее из рук то, что осталось, но было поздно.

– То самое, – продолжая улыбаться, бывшая супруга выскочила из машины, добежала до ближайшей урны и выбросила туда клочки бумаги. Когда вернулась, невозмутимо продолжила: – Я тут подумала, что с моей стороны это подло – составлять досье на коллег, ожидая вместо предстоящего праздника черт знает что. Подло, понимаешь? Они мои коллеги!

– Понимаю, – закивал он. – Твои коллеги. Что ж тут непонятного!

– Сегодня праздник, настроение должно быть приподнятым. А ты вынашиваешь идиотские планы, что-то высматриваешь, вынюхиваешь, ты исходишь из наихудшего. С чего ты начал? С составления «досье»? Стыд и позор!

– Ты... Я тебя ждал! Видит бог, я хотел как лучше.

Петр почувствовал, что сейчас взорвется, и тогда День медицинского работника проведет дома в полном одиночестве. Разве не этого хотел он еще пять минут назад? Разве не мечтал смыться со стоянки еще совсем недавно? Так что же он медлит?

Вероятные варианты развития событий пронесли в голове подобно истребителям в небе. Похоже, невеселые мысли отразились у него на лице, и их смогла угадать супруга.

– Я тебя не держу, можешь убираться восвояси, – Элла равнодушно пожалала плечами. – Мы неплохо отметим этот день и без тебя. Думаю, праздник от этого ничего не потеряет.

Кажется, Элла завелась, ее понесло. Он помнил подобное ее состояние. Еще немного, и она скажет, что с решением вновь расписаться они поспешили. Потом, конечно, будет жалеть, но первой на попятную никогда не пойдет.

Он же, наоборот, почувствовал, что не хочет никуда уезжать. Уехав, он не увидит Ингу, такую стройную, стильную, деловую... Однозначно, он проиграет в этом случае. К тому же он должен выяснить, как добралась до турбазы его супруга. Мелочь, конечно, но для настоящего сыщика мелочей не бывает.

– Никуда я не поеду, – сказал он как отрезал. – Тем более что из «Скорой» приглашен не я один. В «досье», которое мы составили с твоих, кстати, слов, отмечены не все посетители. Подумаешь, порвала, ну и что? Я недаром провел время, информация у меня – вот здесь, – он

постучал себя пальцем по виску, не без удовольствия наблюдая, как по лицу бывшей супруги пробежала тень недоумения. Подобной реакции она не ожидала.

Он уже хотел открыть дверцу и выйти, но в этот момент на стоянку резко вырулила приземистая черная «бэха», затормозив между джипом Буйкевича и байком Цитруса.

– Это никак Макс, – решил сыграть «на опережение» Петр, вспомнив единственного мужчину из списка, которого еще не видел. – Интересно, что могло его задержать? Еще одно нарушение ритма у бабки Пономаревой? Так он больше спец по покойникам.

В этот момент из «бэхи» резво выскочил лысеющий очкарик в цветастой футболке и потертых джинсах. Схватив с заднего сиденья коричневый кожаный «дипломат», он поставил машину на сигнализацию и, бросив в сторону «Опеля» подозрительный взгляд, быстрым шагом направился к крыльцу турбазы.

– Точно, Макс. Лунегов, – как-то бесцветно согласилась Элла, глядя вслед удаляющемуся очкарику. – Наш патологоанатом. Вечно куда-то спешит и при этом умудряется всюду опаздывать. Весьма неорганизованный доктор.

– Никогда бы не подумал, что они могут быть такими, – глядя то на супругу, то на Лунегова, признался Петр.

– Что ты имеешь в виду? – настороженно уточнила Элла.

– Его прическу. Такими могут быть шахматисты, профессора вузов, писатели-фантасты, барды, но не патологоанатомы. Такие заросли над ушами и на затылке обычно очень долго хранят запах формалина из анатомичек, насколько я помню. И далеко не каждый шампунь с ним справится. Лысину, понятно, он прикрывает колпаком, а вот кудри...

– Он все прячет под маску и под колпак, – отрезала Элла, открывая дверцу. – Если ты собрался идти, то сейчас – самое время.

Джакузи и плазма во всю стену

Следуя рядом с супругой, Петр вдруг вспомнил, что так и не выяснил, на чем она приехала. Если на такси, то почему не до самой турбазы? А что, если ее подвез этот патологоанатом Лунегов, но она попросила остановиться раньше, а оставшийся путь преодолела пешком.

Вопрос: зачем это надо скрывать? Ну, подвез коллега после рабочего дня – обычное дело. Что здесь такого?

Размышляя над этим, Петр замедлил шаг. Он что, ревнует ее? Этого еще не хватало! Зачем накручивать себя, искать черную кошку в темной комнате? Может, все проще? Надо спросить у Эллы, и туман рассеется. Но он спрашивал, а она отшутилась насчет велосипеда в кустах.

Вспомнив про туман, Петр пожегся: в памяти всплыл другой туман, в котором они тогда надолго застряли на «Бекетове».

За парадной дверью турбазы он ожидал увидеть комфортабельный ресепшн, просторный светлый холл с креслами и аквариумом. Но вместо этого наткнулся на узкий и темный коридор, в конце которого, как в конце тоннеля, маячил свет. Через секунду из другого коридора появилась женщина бальзаковского возраста с ярким макияжем, в роговых очках, туго повязанной красной косынке и в красном тренировочном костюме.

«Хозяйка турбазы», – мгновенно обозначил для себя доктор.

– Здесь зимой лучше, – объясняла она неспешно, как бы разжевывая, идущему за ней следом Лунегову, который слушал вполуха. – Охраняемая парковка, катание на квадроциклах, снегоходах, русская баня опять же на 15 мест...

Патологоанатома явно тяготило это разжевывание, он привык к более стремительным словам и действиям. Петр решил ему помочь:

– Зачем нам сейчас снегоходы? – разочарованно протянул он, с ходу включаясь в разговор и не обращая никакого внимания на тычки со стороны бывшей супруги. – У нас праздник летом... Понимаете? Профессиональный! Что у вас есть летом? Неужели нам не повезло?

– Во-первых, здравствуйте, – женщина осуждающе взглянула поверх очков на доктора, на что тот извинился, ответив дежурным приветствием. – А во-вторых, летом тоже есть чем заняться: рыбалка, охота, пейнтбол, сплавы по реке Коньве, пешие экскурсии на гору Вислянку, в заповедник Тубареги, на гору Учаковский Камень... Предусмотрен прокат рыболовного и туристического инвентаря. Что вы предпочтете?

– Лично я предпочел бы, Антонина Ильинична, одноместный люкс с джакузи, вайфаем, плазмой во всю стену и кондиционером, – не остался в долгу Лунегов, пожимая Петру руку. – А также информацию о том, когда здесь намечается торжественный ужин с моими дорогими коллегами, посвященный празднованию Дня медработника. Оркестр с цыганским хором по этому поводу, надеюсь, приглашен?

Несмотря на рукопожатие и напускную браваду, от Петра не укрылся мимолетный, чуть наигранный взгляд патологоанатома, который тот бросил на Эллу. Из этого Фролов понял: интуиция его не подводит, Лунегов как-то связан с его бывшей супругой, скорее всего, они приехали вместе. Но зачем это скрывать? Даже смешно как-то.

Еще Петр вспомнил, кого Макс ему напоминает. Надень на него вместо кожаной куртки пиджак, дай в руки гитару – получится вылитый Булат Окуджава в молодости. Как ни сопротивлялось все в нем, но придется обозвать патологоанатома Бардом – больше ничего в голову не приходило, а время шло.

– Ужин будет ровно через час, – как бы собираясь с мыслями, разъяснила Хозяйка. – То есть в семь. Имеется в виду торжественный ужин, с почестями и музыкой. В столовой, которая находится в конце коридора на первом этаже. Она у нас зовется кают-компанией.

При последних словах Петра передернуло. И Лунегов, и Хозяйка удивленно посмотрели на него. Они не могли знать, что с некоторых пор все, касающееся рек, морей и океанов, вызывает у Петра стойкое отвращение. Всею виной теплоход «Хирург Бекетов».

– Относительно люксов, – продолжила через некоторое время Антонина Ильинична, – их у нас нет, поскольку мы не отель. А двухместные номера есть, заказали именно их, так как вы расписаны в основном парами.

– Угу, мы с Тамарой ходим парой, – пробубнил Лунегов.

– Не только ходим, но и ездим, – вырвалось у Петра, после чего последовало гробовое молчание всех участников беседы.

Женщина в красном с трудом вставила ключ в скважину одной из дверей и толкнула ее.

– Это для семейной пары. Кто из вас? Располагайтесь.

Петр не сразу понял, что Хозяйка базы имеет в виду их с Эллой.

– А как же я? – обиженно напомнил Лунегов, раньше других понявший ситуацию. – Ведь я первый к вам обратился, будем справедливы... И сейчас вы мне отказываете?

Взглянув на обиженного гостя поверх очков, женщина в красном не сразу нашла, что сказать:

– Странно... Мне кажется, я вам объяснила, что есть у меня еще один номер. Одноместный. Туда я вас и поселю. Пройдете со мной.

Оставшись наедине с бывшей супругой, придирчиво осматривавшей кровать и тумбочки, Петр перевел дух. Однако буквально через секунду пришлось снова напрячься.

– Слава богу, не так, как на «Бекетове».

– Что? На «Бекетове»? – Петр невольно вздрогнул, хотя отлично понял, что супруга имеет в виду. – При чем здесь «Бекетов»?

– При том, – Элла взмахнула рукой, едва не ударившись о небольшую этажерку, потом повернулась к нему и продолжила вкрадчиво, почти таинственно: – Я больше всего боялась, что комната наша будет напоминать каюту на «Бекетове». Это был бы знак. Ведь, кроме нас с тобой, здесь нет никого, кто плавал на том теплоходе. Они ничего не знают и не могут знать! Только мы, понимаешь, одни...

Элла приближалась к нему на цыпочках, глядя прямо в глаза. От идущей от нее энергетики Петр вынужден был присесть на кровать.

– Значит, – прохрипел он, кое-как ворочая языком, мгновенно почувствовав сухость во рту, – ты тоже проводишь определенные параллели? Между этим праздником и тем, что было там...

Элла неожиданно щелкнула его по носу и улыбнулась:

– Ага, испугался! Расслабься, я пошутила. Ни о чем таком я не думаю и параллелей никаких не провожу.

Скрипнув зубами, ни слова не говоря, Петр вскочил и вышел из номера.

Обморок в красном

Коридор был пуст, пройдя до его конца, он обнаружил двери с буквами «М» и «Ж». Последняя вскоре открылась, оттуда вышла Хозяйка гостиницы и, не заметив его, направилась в другой конец коридора.

– Извините, пожалуйста, – окликнул ее Петр, не ожидая от себя подобного выпада. – Э... э... Антонина Ильинична, можно вопрос, так сказать, частного характера? Если вы не против.

Женщина неожиданно вскрикнула, остановилась, взмахнула руками, словно потеряв равновесие, и навалилась на стену. Разглядев ее побледневшее лицо, капли пота на лбу и обескровленные губы, Петр быстро подставил женщине свое плечо, моментально забыв, о чем хотел ее спросить:

– Осторожно. Обопритесь, Антонина Ильинична...

– Что ж вы так меня пугаете, – расслышал он полусшепот, пока, поддерживая Хозяйку, вел ее по коридору. – Прямо... прямо... и через две двери будет... моя.

Очки Хозяйки правой дужкой поехали вверх, у Петра сложилось впечатление, что у женщины три глаза, отчего ему сделалось не по себе.

Неожиданно на их пути вырос Цитрусов.

– Валер, хорошо, что попался... У Хозяйки – обморок, давай, помогай. – Вдвоем они быстро довели ее до комнаты, уложили на диван и с помощью подручных средств оказали первую помощь.

– У меня так часто бывает, – пояснила женщина в красном, когда ей полегчало. – Давление вдруг стало резко падать. Раньше случалось такое, но постепенно, я успевала присесть или даже прилечь, а сейчас – как-то резко, особенно когда испугаюсь.

– А сахар давно проверяли? – поинтересовался Петр, считая пульс на ее запястье. – Горячего сладкого чаю в этот момент не хочется с булочкой?

– Сахар давно не проверяла, а булочки не ем, фигура, знаете ли, расплывается и без булочек.

Через несколько минут, когда лицо Хозяйки порозовело, лоб высох, а настроение улучшилось, Петр взглянул на часы и предложил коллеге идти к гостям, так как праздничный ужин вот-вот должен был начаться. Заодно и предупредить коллег о том, что Петр задерживается.

– Понял, шеф, – картинно приложил руку к несуществующему козырьку Цитрусов. – Если вы настаиваете... Объясню, как смогу. Дескать, доктор оказывает первую помощь. Но, сдастся мне, их такое объяснение не удовлетворит.

– Тогда пусть заявятся сюда и убедятся.

Петр улыбнулся и на минуту закрыл глаза. В том, что только что произошло, просматривался какой-то сюрреализм. Экипированный грозный байкер, еще недавно грохотавший своим мотоциклом на стоянке, вдруг преобразился, как по мановению волшебной палочки. Кадр сменился – и вот он уже нежно укладывает женщину на диван, проводит перед ее носом ваткой с нашатырем. У-тю-тю... Одно с другим не стыкуется, хоть ты тресни!

– Без меня не начнут, – констатировала Хозяйка, когда Цитрусов вышел из комнаты. – Надо отдать последние распоряжения.

– Лежите пока, лежите, – сделал предостерегающий жест Петр, видя, что Антонина Ильинична собирается встать. – Ничего страшного, задержится начало банкета, – не смертельно.

– Кстати, о чем вы хотели меня спросить? – повинувшись доктору, женщина снова легла.

– Ночью стоянка как-то охраняется? – Петр выдал первое, что пришло в голову. – Камеры предусмотрены?

Женщина мотнула головой, прикрывая глаза:

– Увы, мы не настолько богаты. Вопрос о камерах поднимался, еще когда мы принадлежали заводу имени Дзержинского. А теперь мы в свободном плавании. Понятно, что это влияет на имидж. Но практически все окна, где вы будете ночевать, выходят на стоянку.

– Жаль... Придется окно держать открытым.

– У меня к вам тоже будет вопрос, – Хозяйка полезла в карман своего тренировочного костюма. – Даже не вопрос. Кто-то из ваших забыл это на подоконнике в коридоре.

В следующую секунду Петр рассматривал, крутя в руке, причудливый колпачок, не представляя, от чего он мог быть.

– Точно кто-то из наших?

– Без сомнения, я утром сегодня уборку делала, его бы заметила, он появился совсем недавно. Он закатился под раму, заметить было непросто.

– Хорошо, спрошу, – Фролов спрятал находку в карман, внутренне ликуя, что не пришлось задавать вопрос о том, не заметила ли она что-нибудь странное с момента заселения медиков. Именно об этом он и хотел ее спросить первоначально. Она предвосхитила его вопрос, найдя эту странную вещь.

Для себя Петр решил, что не будет афишировать находку, пока не узнает точно, к чему она относится. Уж больно специфично выглядел колпачок – Петр мог поклясться, что видит его первый раз в жизни.

Когда спустя минут пять он шел за Хозяйкой по коридору, из кают-компании уже доносились музыка и общий смех. Однако женщина в красном не спешила туда заходить. Она заглянула в незаметный для постороннего глаза дверной проем, где возле окна, опершись коленом о подоконник, застыл грузный мужик лет сорока.

Его выпирающий из рубахи живот – там, где пуговицы были расстегнуты, – говорил о непомерном аппетите, а одутловатое лицо – о пристрастии к алкоголю. В руке его была отвертка, он двигал туда-сюда оконную раму.

– Леонтий, ты как? – спросила Хозяйка, задержавшись в дверях.

– Нормалек, Ильинична, – отрапортовал мужик, хотя Петр без труда уловил запах перегара и по ряду косвенных признаков понял, что самочувствие Леонтия далеко от нормального.

– Что недавно сверлил опять? – буквально выстрелила Хозяйка вопросом, из которого Петру стало ясно, что ее самочувствие после обморока восстановилось. – Опять вешалки оборвали в предбаннике? Кто, я спрашиваю! Спортсмены?

– Они, родимые. Никак не угомонятся.

– А-а, – махнув рукой, Хозяйка быстрой походкой направилась в сторону кают-компании.

А до Петра донеслось:

– Дак это ж... еще в обед было. А теперича... почти шесть.

Сплетни в планы не входят

Первое, что увидел Петр, войдя следом за Хозяйкой в шумную кают-компанию, ее глаза. Словно она знала или подозревала о его присутствии на турбазе и ждала его появления за столом.

Он не назвал бы ее взгляд удивлением, скорее – укором за долгое отсутствие. Инга смотрела и как бы говорила: «Наконец-то ты появился, значит, можно начинать».

Едва он уселся рядом с Эллой, как услышал от нее:

– Дырку на ней взглядом протрешь! Элементарные приличия соблюдай!

Он бросил взгляд на бывшую супругу, но она уже успела отвернуться. В нем словно разорвалась петарда: коллеги Эллы знакомились с ним, что-то говорили, поздравляли с праздником, но он не слышал их, весь уйдя в энергетику ответной фразы:

– Еще недавно ты предлагала мне покинуть корпоратив, утверждая, что без меня повеселишься, – продолжая улыбаться и кивать на поздравления, цедил он сквозь зубы, – лучше, чем со мной. О каких приличиях речь? Мы – в разводе, если ты помнишь. И пока вновь не расписались, есть время подумать.

– Долго сочинял? – Элла с усмешкой окинула его с ног до головы. – Так старался, что забыл переодеться к празднику. Именно об этих приличиях я и говорю. Все при параде, только Фролов черт знает в чем!

Тут он вспомнил, что убежал из номера, не переодевшись. Окинув взглядом сидевших за столом, понял, что выглядит в своей невзрачной футболке белой вороной, точнее – вороном. Даже байкер Цитрусов был в светлом клетчатом пиджаке, буквально искря шутками направо и налево. Когда только успел переодеться?

– Не забудь. – Элла протянула ему ключи от номера. – Давай, поторапливайся, тебя здесь многие ждут.

В номере он обнаружил висящие на «плечиках» в шкафу костюм, рубашку, галстук – все, что они вчера тщательно подбирали с Эллой, чтобы гармонично смотреться в паре. Он на минуту застыл, закрыв глаза.

Почему все так нелепо складывается? Они всегда ссорятся в самый неподходящий для этого момент. Из-за какой-нибудь глупости...

Стук в дверь застал его за такой ответственной процедурой, как завязывание галстука. Для него это всегда было высшей математикой, неподвластной его пониманию.

– Да-да, – крикнул он, пытаясь рассчитать, чтобы получилось не длинно и не коротко. – Не заперто, входите.

– Это хорошо, что не заперто. – Скрипнула дверь, он повернулся и увидел Ингу. Она вошла, оценивающе окинула взглядом комнату, поняла безуспешность его экспериментов с галстуком, покачала головой.

Петр смотрел на Ингу во все глаза. Там, на стоянке, он не успел ее как следует разглядеть. Но сейчас, вблизи, понял, что за эти годы она неуловимо изменилась: похудела, стала еще привлекательнее.

– Привет, я рад тебя видеть... Очень рад.

Она метнулась к нему, выхватила из его неумелых рук галстук, молниеносно завязала узел, накинула ему на шею. Когда затягивала, он не удержался, обхватил Ингу за талию, нашел ее губы своими...

– Нас могут увидеть, – прошептала она, освобождаясь из его объятий. – Твоя жена видела, что я выходила, правда, в дамскую комнату. Но все же, мало ли! Предлагаю перейти ко мне.

– Ты ведь тоже не одна в номере.

– Олеська не будет трепаться, даже если что-то и увидит. Она не такой человек.

– Ты имеешь в виду Пресницкую?

– Ее, конечно. Ты неплохо осведомлен о докторях медсанчасти. Для врача «Скорой», я имею в виду.

Он схватил пиджак и выскочил за Ингой в коридор. Оказывается, комната, в которой Хозяйка поселила двух подруг, Ревенчук и Пресницкую, находилась совсем рядом, буквально через две двери.

Кажется, их никто не видел.

– погоди, погоди, – оказавшись с ним наедине, Инга принялась отбиваться от него так, словно он собирался ее изнасиловать. – Я совсем не за этим тебя сюда позвала.

– А зачем? – оторопел он, едва различая в темноте ее вытянутые вперед руки. Свет она включать не стала.

– Совсем за другим, совсем. Затем, чтобы спросить... Если что случится, я могу на тебя рассчитывать? Только отвечай быстро. Много времени прошло. Ты мог измениться за это время. Я тебя не так давно выручила. Выручи и ты меня.

– Ты можешь полностью н-на меня п-положиться, – неожиданно заикаясь, отрапортовал он. – Что я должен б-буду сделать?

Свет фонарей со стоянки пробился сквозь шторы, запрыгал полоской на ее плече в такт разговору. Петр мало что понимал в происходящем, слова Инги казались ему не то пророчеством, не то заклинанием – у него не было времени разбираться.

– Ничего не должен, – горячо сжимая его руку, уточнила она. – Просто, если что-то случится, я знаю – ты на моей стороне. А теперь уходим!

– Что должно случиться? Не говори загадками. Куда уходим? – замедленно реагируя на услышанное, прошептал он пересохшими губами. – Уже?

Она метнулась к двери, слегка приоткрыла ее.

– Конечно, только сплетен нам не хватало! Это не входит в мои планы. Я специально плеснула себе на костюм минералки, чтобы отлучиться ненадолго. Якобы в туалет, а сама прошмыгнула к тебе. Я запомнила, в какую комнату вас с женой определила эта... Маргарет Тэтчер.

– Ты облила себя минералкой только для того, – удивленно протянул он, – чтобы поговорить со мной? Не стою я таких жертв!

– Не облила, а немного плеснула, не лъсти себе, Петруш. Выходи и направляйся в кают-компанию. Да лицо попроще сделай, нет тут никакой тайны, запомни. Иди, а заодно заметь, если кто-то тебе по дороге попадет. Потом расскажешь. Давай, с Богом, увидимся!

Чмокнув его в щеку, она вытолкала Петра в коридор.

На секунду ослепнув от неоновых ламп, он не сразу сообразил, в какую сторону ему идти. Мысли в голове путались, мельтешили, мешали одна другой. Значит, у Инги какой-то план, и сплетни в него не входят. Она что-то задумала. Но что?

Все случилось так быстро! Запах ее духов, вкус губ все еще кружили доктору голову. Он брел на автопилоте, как после грандиозной пьянки.

По дороге ему никто не попался. Элла ждала в кают-компании, оживленно беседуя с Максом Лунеговым. Петр еще раз поймал себя на мысли, что патологоанатом поразительно похож на его любимого барда Булата Окуджаву.

Свое отношение к артисту доктор невольно проецировал на Лунегова, и это сбивало с толку. Надо бы поостроже, пожестче. Все-таки непонятно, подвез Макс его бывшую супругу к турбазе или нет? И зачем в таком случае оба скрывают эту подробность?

Друзья по несчастью

Он зашел как раз в тот момент, когда Буйкевич оживленно рассказывал:

– ... Это все уходит постепенно в прошлое. Вы поймите, мы живем в конце второго десятилетия двадцать первого века. На дворе – давно цифровые технологии.

– Как мы любим произносить эти штампы! И ты, Стас, не исключение, – прервала говорившего Пресницкая, взмахнув рукой. – Вот как тебе твои цифровые технологии облегчают процесс диагностики? Только честно.

– Если бы меня не перебивали, я бы давно объяснил, – ничуть не обидевшись, продолжал Буйкевич. – Скажем, прихожу я на дежурство, делаю вечерний обход. Лежит на вытяжении с грузом бабушка после перелома бедра. Вопрос: брать ее завтра на остеосинтез³ или оставить до понедельника? Предположим, дело к пятнице. Я на смартфон качественно снимаю вечером ее бедро, отправляю видео заведующему. Заведующий видит картинку, оценивает отечность, корректирует терапию. Но главное – мы коллегиально принимаем решение: брать ли нам бабушку завтра утром на операцию или не брать. Скажите, возможно ли было такое еще пару десятков лет назад?

Все одобрительно зашумели. Стас в этот момент увидел пришедшего Петра и, не раздумывая, крикнул:

– Кстати, где-то я этого коллегу уже видел.

– Пару дней назад мы привезли одного старичка с двойной патологией. Он сломал шейку бедра, и от такого стресса у него случился инфаркт с кардиогенным шоком. Так две бригады и колдовали.

– Да-да, помню, – закивал травматолог, протягивая через стол руку Фролову. – Очень приятно, Стас.

Петр не сразу понял, что раздавшиеся редкие аплодисменты – в его честь, вернее, в честь его стильного костюма. Так его встречают!

– Что за новый доктор? – прозвучало откуда-то издалека. – Я не знаю его, можно познакомиться?

Усевшись на свое место, Петр смог наконец-то разглядеть Олеся Пресницкую, оказавшуюся рядом с ним. Тогда, на стоянке, у него не было такой возможности, он воспользуется ею сейчас. Женщина была явно навеселе и пыталась налить в свой бокал очередную порцию красного вина.

– Я – Олеся, подруга Инги... – представилась она, ополовинив бокал. Ее скуластое, восточного типа лицо напомнило ему венецианскую маску. Окончательно сложиться этому образу мешали узкие очки в красивой оправе.

– Очень приятно, а я...

– Вас я знаю... Можете не представляться, – перебила она его, даже не глядя в его сторону. – Кажется, Инга что-то о вас мне рассказывала, но сейчас я не помню, что именно... То ли вы работали вместе, то ли...

– То ли, – резко вставил Петр, словно воткнул батарейку в брелок сигнализации. – Второй вариант, однозначно.

– Хм, – Олеся смущенно опустила глаза, слегка улыбувшись. – Вы думаете, я не поняла? Не настолько я еще пьяна. Соображаю.

Петр осмотрелся по сторонам. Праздник был в разгаре. Две мощные колонки, подвешенные под потолком, приглушенно транслировали лучшие хиты девяностых. Официантки сно-

³ Остеосинтез – операция по соединению костей после перелома.

вали по просторной кают-компани, едва успевая убирать со стола стремительно пустевшую посуду.

– Штрафную! – над головой уролога Сбитнева, лысина которого лоснилась от пота, взметнулась бутылка водки. «Энтони», – вспомнил Петр ник говорившего. Его голос он услышал впервые, и этот голос ему не понравился. – Надо наверстывать упущенное!

За столом одобрительно загудели. Петр сообразил, что если не выпьет, то потеряет кредит доверия. Он решил не испытывать судьбу.

Неожиданно музыка стихла, Фролов понял, что от него ждут тоста. Пришлось подняться с наполненной стопкой.

– Уважаемые коллеги, кто не знает: меня зовут Петр, я работаю в кардиобригаде «Скорой», привожу вам иногда...

– Знаем, знаем, – раздалось со стороны Цитруса. – Ты давай к главному переходи.

– Ты-то знаешь, – поправил его говоривший, – а другие, может, и нет. Поздравляю всех с нашим профессиональным праздником! От души желаю поменьше тяжелых больных, только высоких зарплат, хорошего снабжения, финансирования, взаимопонимания, любви и благополучия!

– Ну и как водится, – подхватил Ковбой Буйкевич, одна рука которого обхватывала талию очаровательной Монро по имени Анжела, – мирного неба над головой. Обстановка международная, сами понимаете, какая...

Все зааплодировали. Петр одобрительно посмотрел на Буйкевича и перед тем, как опрокинуть кристально чистую жидкость в рот, поймал краем глаза вернувшуюся на свое место Ингу. Она держала возле уха навороченный смартфон.

Водка оказалась ледяной и приятной. Когда все снова застучали вилками и ножами, проснулись колонки.

– Между вами явно что-то было, – заговорщицки продолжила Пресницкая, когда он поставил на стол пустую стопку и принялся закусывать заливным. – Я правильно поняла?

– Было, говорите? Между кем и кем? – шутя, поинтересовался Петр и тотчас пожалел о своем вопросе. Расплата за необдуманные слова последовала незамедлительно.

– Между вами и Ингой, естественно! – это прозвучало достаточно громко. Петр не сомневался, что до ушей Эллы фраза точно долетела. Но бывшая супруга Петра была так увлечена беседой с патологоанатомом Лунеговым, что не отреагировала.

Он бросил короткий взгляд на Ингу, она чуть заметно пожала плечами, словно говорила: «Видит бог, я этого не хотела. Ты знаешь, в мои планы не входили сплетни. Что делать, Олеська нализалась раньше времени».

Праздник тем временем шел своим чередом. Ковбой Буйкевич ни на секунду не оставлял без внимания свою Монро, не забывая пропускать стопку за стопкой. Лысый Энтони то и дело перебрасывался короткими фразами с Ингой, время от времени манипулируя с мобильником, отправляя и читая эсэмэски и выходя в Интернет.

– Что-то я развыступалась, – словно расслышав то, что Инга телепатировала Петру, признала, наконец, соседка. – Вы извините меня. Мы с вами в какой-то степени друзья по несчастью.

– Что значит – друзья? Да еще по несчастью! – поначалу не понял Фролов, но, поймав направление взгляда Пресницкой, начал догадываться.

– А то и значит... Наши бывшие теперь мило щебечут друг с другом, как два голубка на карнизе. Словно и не было ничего. Ни встреч, ни слов любви... да что там говорить!

Догадка пронзила Петра вместе с очередным обжигающим глотком. Лунегов – бывший любовник Пресницкой, а Элла – его бывшая супруга. Вот оно что! Не в связи ли с этим Олеся стремится напиться?

Ай да Бард! Ай да сукин сын!

Петр задумался: может, в словах Пресницкой звучит скрытая просьба – разрушить эту идиллию голубков? Ведь не к кому-то она обратилась, а именно к нему, бывшему мужу Эллы. И это при том, что она не знает историю странного появления его бывшей супруги на стоянке.

«Не уходишь ли ты, Фролов, в глухую ревность, граничащую с бредом? Причем с головой, с потрохами! Эта пьяная обиженная курица тебе мастерски капает на мозги, подбрасывая хворост в огонь, а ты и уши развесил! Тобой элементарно манипулируют, доктор!»

– Но вам ничего не угрожает, поверьте, – расслышал он среди гомона застолья. – В отличие от меня. Уж я-то знаю. Меня он точно бросил, улетел... молодой орел.

– Что вы хотите этим сказать?

– То и хочу, – она взглянула на него поверх очков своими чуть раскосыми серыми глазами. – Ваша бывшая супруга его не интересуется. Может, пока не интересуется... Пока гром не грянул. Но может скоро грянуть, все под Богом ходим. И тогда он совсем по-другому на нее посмотрит. Я знаю, что говорю!

Шоу американских толстяков

Петр почувствовал, что поначалу удачно складывающийся пазл вдруг обнаружил несоответствие, словно доктору изменило зрение. Причем огрехи высвечивались в разных местах – то там, то тут. Он вдруг перестал что-либо понимать, утратил логику происходящего.

– Выражайтесь понятней, – он готов был чем-нибудь огреть Пресницкую, лишь бы вернуть ей ясность ума. – Что значит «пока не интересует». С чего бы это?

– Вы не очень-то галантный кавалер! – цокнула языком Пресницкая, скосив глаза на свой пустой бокал. – У дамы нет напитка, а вы про что?

Петр уже собрался налить ей, как услышал разгорающийся спор между Ингой и Энтони. Он помнил, что его бывшая любовница была убежденной вегетарианкой, читала много литературы по разгрузочным диетам. В память почему-то врезалась ее фраза о том, что складка на животе должна быть такой же, как на лбу.

– Не хочу я тебе ничего доказывать, – возбужденно бурчал квадратный Сбитнев, в котором без труда угадывалась как минимум вторая степень ожирения. – Господь велел приносить скотину в жертву. Вот пост – другое дело, а во все остальные дни...

– Я за тобой наблюдаю, – невозмутимо твердила Инга, открывая бутылку минералки. – Ты за заливным уже горячее отправил в желудок, и это не считая спиртного и оливье. А водка – это серьезные калории!

– Вот и посвящай всю жизнь их подсчету. А я жить хочу. Сейчас масса способов быстро и без последствий сбросить вес. Хоть двадцать кило в месяц!

Инга снисходительно покачала головой, как бы говоря: «У-у-у, как все запущено!» Вслух она высказалась несколько иначе:

– Все, что сбрасывается быстрее трех кило в месяц – либо онкология, либо недиагностированный диабет первого типа, либо все это временно, то есть скоро килограммы обязательно вернутся. Кстати, недавно американцы провели интереснейшее наблюдение. Оно длилось два года с лишним. Шоу Маккормик – для тех, кто интересуется. Могу рассказать, если хотите.

Со всех концов стола слышались заинтересованные голоса, один лишь Сбитнев сидел и молча улыбался, дескать, мели, Емеля...

– Американцы – люди конкретные, – начала издалека Ревенчук, зачем-то подмигнув Петру. – И если какую-то цель поставят, то расшибутся в лепешку, но сделают. Они нашли спонсоров, разыскали пятерых самых тучных людей, вес которых зашкаливал за полторы сотни. Я все привожу в килограммах, не в фунтах, чтобы было наглядней...

– Мы понимаем, не лохи, – уточнил Лунегов, за что был удостоен такого испепеляющего взгляда рассказчицы, что замолчал и принялся накручивать на палец свои кудри.

– И в одном из выпусков шоу толстякам было поставлено условие: если они за год достигнут идеальной массы тела, ориентируясь на свой рост, то получают сто тысяч долларов. Маккормик, если вы помните, сама – толстуха, заявила это на всю страну. Естественно, всех официально взвесили, все зафиксировали. Никто из зрителей не верил в успех, подчеркиваю, это были те еще толстяки.

– Что им разрешалось делать? – поинтересовалась Монро. – Фитнес, тренажеры, диеты, сжигатели жира? Мне, надеюсь, такое не грозит, но, на всякий случай, надо... взять на вооружение.

Последние слова девушки потонули в хохоте.

– Уж кто бы говорил, Анжел, – хохоча громче всех, заметила Пресницкая. – Помалкивай уж!

– Можно было использовать любые методики, – продолжала Инга поставленным голосом, – вплоть до липосакции. Понимаете, это были люди, которые вообще никогда не худели, только полнели. Но сумма в сто тысяч кого угодно заинтересует. За редким исключением.

И снова Инга бросила короткий взгляд на Петра, чем вывела его окончательно из себя. Он, что ли, это редкое исключение?

– Ладно, не томи, – взмолилась Элла. – Хоть один достиг поставленной цели? Все-таки год – достаточный срок.

– Все пятеро достигли, представляете! Выпуск, когда они демонстрировали свои стройные фигуры, набрал фантастический рейтинг, был напичкан рекламой по самое «не хочу» и, тем не менее, оправдал себя. Каждый получил свой выигрыш, но никто не знал, что им уготовано на десерт.

– Ха-ха, это еще не все? – восторженно заметил Буйкевич, собираясь выпить за окончание рассказа. – А я-то обрадовался, лопух!

Уже поднятую рюмку с водкой ему пришлось поставить на стол.

– В качестве десерта прозвучало суперпредложение Маккормик, – в полной тишине продекламировала Инга, словно вела свое собственное шоу. – Тот, кому удастся сохранить данный вес в течение следующего года, получит приз в полмиллиона баксов!

– Почему мы живем не в Америке? – затопал ногами Сбитнев. – Я бы там разбогател всего за какую-то пару лет.

– Не льсти себе, – отреагировала рассказчица. – Там такого добра, как ты, выше крыши. Тебя бы не взяли в шоу.

– Давай заканчивай, – загудел Буйкевич. – Очень выпить хочется. Каков результат на следующий год?

– Результат нулевой, – махнула рукой Ревенчук. – Ни один не удержал вес! Все показали прежние цифры, а кто-то даже переплюнул их. И пятьсот тысяч долларов не помогли. Это я к тому, что похудеть – даже не полдела... Четверть! Удержать достигнутый вес намного сложнее. Особенно, если худеешь быстро. Здесь работает чистая психология: мне осталось потерпеть совсем немного, получу бабки – потом уже можно расслабиться. Поэтому худеть надо медленно, настраивая себя на всю оставшуюся жизнь.

– Короче, мораль такова, – решил подытожить уролог, – каждый выбирает свою стезю. И питается, и живет, как хочет...

– Так живи, питайся, – взмахнула руками Инга, – но братья меньшие почему за твой неумный аппетит, за лишние твои килограммы должны расплачиваться? Не чем-то, а своими жизнями! Ты покупаешь котлеты, пельмени, рагу... Фактически тем самым убиваешь их.

– Меня в детстве собака покусала сильно, – выдал последний аргумент Энтони, поднимаясь из-за стола и направляясь почему-то к Петру. – Вот я и решил всю оставшуюся жизнь посвятить их поеданию.

– Собака покусала, так и питайся собачатиной. А ты поедает куриц, свиной да коров. Они тебя тоже покусали?

– Зато у тебя в крови не хватает нескольких аминокислот, – озлобленно бросил в ответ Сбитнев, – которые только в мясе встречаются. Может, от этого ты такая злая.

– Как мы любим переходить на личности, – едко заметила Инга. – Мясоеды – все злые. Мясо – это зло. А насчет аминокислот... Ешь орехи и семечки, восполняй – не хочу. Но тебе их нельзя.

– Это еще почему? – уролог остановился на полпути, округлив глаза.

– Потому что они очень калорийные, неужели непонятно?

Подойдя к Петру, Антон Сбитнев положил ему руку на плечо:

– Как она меня заколебала! Ты насчет покурить как? Насколько я в курсе, курильщиков больше за столом не наблюдается.

Шифровка с Марса

Петр обрадовался предложению, так как это был шанс отдохнуть от пьяной соседки. Кивнув, он поднялся и, ни слова никому не говоря, направился вслед за урологом. Уже на выходе из кают-компании поймал осуждающий взгляд Инги.

– Пора начинать съемку, – определил Сбитнев, выпуская струю синего в свете фонарей дыма. – Водка по мозгам здорово ударила, я и спекся. А от операторских обязанностей меня никто не освобождал. Следующие поколения мне не простят такой слабости.

– У тебя камера с собой? – поинтересовался Петр для приличия, хотя знал это от Эллы.

– Она всегда со мной, где бы я ни был. Мой третий глаз. А если понадобится, и четвертый. Человек не может сам объективно зафиксировать окружающий мир, он слишком эмоционален. Человек, я имею в виду. Камера все – вплоть до мело-чей – запечатлит беспристрастно. Просмотр отснятого материала помогает многое понять в происходящем, переоценить. Это моя философия, если хочешь.

В этот момент во внутреннем кармане уролога пикнуло. Он достал смартфон, сделал неумовимое движение и снова спрятал его в карман.

– Эсэмэска? – поинтересовался Петр, прикуривая потухшую сигарету.

– Ага, шифровка с Марса, – пошутил Сбитнев, чем еще больше подстегнул любопытство доктора. – У меня и ноут с собой. Сегодня же просмотрю все, что наснимаю. Каким бы пьяным ни был – это закон. Так сказать, по горячим следам. Жутко интересно.

Петр вспомнил объемистую сумку, которую видел у Сбитнева на стоянке. Вот и ответ на вопрос. Камера плюс ноут – объем что надо.

– Пациентов в кресле во время осмотра не пробовал снимать? – решил съязвить Петр, которого словоохотливость коллеги начала понемногу напрягать. Как и минуту назад рядом с Пресницкой. – Отснятый материал пользовался бы спросом.

– Это что, шутка такая? – напрягся уролог. – Я смеяться должен?

– Извини, – пошел на попятную Фролов, – если неудачно пошутил. Но ты же сказал, что камера всегда с тобой. Вот я и подумал, что и на работе тоже.

– Ладно, проехали... Слушай, я спросить хотел, – уролог осмотрелся вокруг, словно боялся, что их подслушают. – Что за мужика странного ко мне подселили? Валеркой зовут. Говорит, на «Скорой» работает, твой коллега, значит. Видишь, все парами как бы, а нас с ним... Он очень странный.

Петр поперхнулся дымом, закашлялся. Когда приступ прошел, положил руку на плечо уролога и с сочувствием произнес:

– Еще какой странный! Не повезло тебе, брат. Без пары нельзя.

– В каком смысле? – Уролог вновь напрягся, на этот раз не на шутку, даже глаз слегка задергался. – В том, о котором я подумал?

– В самом нехорошем. Ты – классный доктор, если почувал его странность с первого взгляда. Твои опасения не напрасны.

– Иди ты! – Энтони присел на корточки возле урны. – Этого еще не хватало! Кто его пригласил?

– Я бы и сам хотел знать кто, – щелкнул пальцами Петр. – Это ключевой вопрос на сегодня. И главное – зачем. Не может быть, чтобы просто так, без всякой цели. Что-то тут неладно в этом приглашении.

На уролога было больно смотреть. Затушив сигарету о край урны, он поднялся и застыл – растерянный, неприкаянный.

– Хотя не спи всю ночь, честное слово.

– Это как это – не спи? – развел руками Петр. – После такого возлияния? Никак нельзя.

– Ладно, посмотрим, куда кривая выведет, – махнул рукой Сбитнев. – Я, в крайнем случае, могу и в рыло заехать. Пусть только попробует!

– Вот это по-нашему, – улыбнулся Фролов.

Смартфон коллеги снова подал сигнал. На этот раз Петру удалось краем глаза увидеть дисплей.

Возвращаясь в кают-компанию в одиночестве – Сбитнев ушел за камерой, – Петр твердо знал, что это не эсэмэски. На смартфон Энтони поступала информация совершенно иного характера. Но какого именно – Петр не знал. Что делать – он не был продвинутым юзером и не раз пожалел об этом за свою жизнь. Спросить у Антона он постеснялся – не его это дело.

За столом было по-прежнему шумно. Инга снова спорила, на этот раз с Эллой. Речь касалась платных услуг.

– И так всех зажали, дальше некуда, – горячо говорила бывшая супруга Петра. – Будто у нас зарплаты, как на Западе. Ответственность – та же, уровень подготовки даже выше. С тем же лазером. Ведь помогает же процедура, пользуется спросом...

– Не только с лазером, – отчаянно жестикулируя, Инга выдавала аргумент за аргументом. – В гинекологии у нас полно платных коек, кладут на медаборты со стороны, проводят как работников профильного предприятия, то есть бесплатно, а денежки – себе в карман. Это как называется?

– Конечно, – усмехнулась в ответ Элла. – Вы же с Пресницкой подруги, ты про гинекологию знаешь все. Или почти все.

– Я правильно понял, девоньки, – вклинился в спор Стас Буйкевич. – Если Ингу Яковлевну поставят у руля медсанчасти, то всем платным услугам придет кирдык? На что тогда жить станем?

– Ни в коем разе! – возразила та, о которой только что говорил Ковбой. – Просто я наведу порядок. Нельзя зарабатывать за счет других! Необходимо все средства проводить через кассу.

– Применительно к гинекологии это звучит так, – кивая головой, резюмировал Стас, – хочешь зарабатывать на медабортах – делай их где-нибудь в другом месте. На криминал толкаешь, голубушка!

В кают-компанию появилась Пресницкая, нетвердой походкой направилась к своему месту. Петр вспомнил, что несколько минут назад она изъяснялась загадками относительно Лунегова и Эллы.

– Что тут про гинекологию говорят в отсутствие гинеколога? – заявила она, усевшись рядом с Петром. – Это не дело!

Сбитнев, колдовавший до этого над смартфоном, отложил его в сторону и, взглянув в глаза Олеси, спросил:

– Говори честно, все свои медаборты через кассу проводишь или что-то себе в карман кладешь?

Уловив двусмысленность вопроса, подвыпившая гинеколог поправила очки и, ничуть не смутившись, парировала:

– Да будет тебе известно, что у меня медабортов пока не было. И если я забеременею, то непременно буду рожать, поскольку первый медаборт, даже на ранних стадиях... так называемый фармаборт... как правило, бесследно для организма не проходит!

Под аплодисменты и хохот взбудораженный Энтони уточнил:

– Для организма кого – пациентки или врача?

Пресницкая по достоинству оценила шутку уролога, изобразив аплодисменты. Потом наклонилась к Петру и вполголоса заметила:

– Это они без меня сцепились? Я имею в виду твою Эллу с Ревенчук. Немудрено. Обе – кандидатки на место главврача, которое вот-вот должно освободиться. Набирают очки. Кирилл

Станиславович на пенсию собрался, вот и грызутся. Правда, у Инги шансов побольше, все-таки кандидат наук.

– Странно, – задумчиво ответил Фролов, глядя то на Эллу, то на Ингу. – Мне она ничего об этом не говорила. А еще есть кандидаты?

– Возможно, но я про них ничего не знаю. Основные фаворитки – эти две. Они, кстати, не скрывают своих амбиций. И совершенно зря! Главврач – не президент, не депутат, его не избирают, а назначают. Как в Москве решат, так и будет.

– А Кирилл Станиславович – это нынешний главврач?

Олеся в ответ кивнула, снова поправила очки и начала рассказывать о заслугах собравшегося на пенсию, но Петр не слушал. Он задумался, много ли еще секретов от него у бывшей супруги. Надо же: собралась пересесть в кресло главврача, а ему – ни слова. Сюрприз на сюрпризе сидит и сюрпризом погоняет.

Неожиданно на глаза Петру попался Сбитнев с камерой «Sony». Он, не спеша, двигался вокруг стола, медленно переводя объектив камеры с одного лица на другое.

– Ишь, приступил к своим обязанностям, – процедила сквозь зубы гинеколог. – Оператор, блин.

– Мне кажется, вы его недолюбливаете, – предположил Петр, взглянув на Пресницкую. – В чем он провинился?

– За что его любить? Порвись на мне платье, к примеру, в самом пикантном месте, он сразу же наведет туда камеру. Операторское искусство зависит еще и от того, в чьих руках камера.

Увидев, как официант поставил перед ним распечатанную бутылку красного сухого вина, Петр наполнил бокал соседки. Она, едва он поставил бутылку на место, тотчас схватила бокал:

– Дорогие друзья! Коллеги! Я хочу поднять этот бокал за единственного из присутствующих кандидата медицинских наук, за мою дорогую подругу Ингу, проложившую свой путь в науку, несмотря на все преграды. Она защитилась совсем недавно. Теперь во всех статьях, которые будут публиковать толстые медицинские журналы, рядом с ее фамилией будут красоваться эти три магические буквы – «к. м. н.»...

Морс из клюквы, наконец...

Петр слушал Пресницкую и не мог понять: куда испарился весь ее хмель? Еще пять минут назад она, что называется, «лыка не вязала», а сейчас абсолютно трезво строчит фактами – только успевай записывать. И ей аплодирует аудитория, и все действительно пьют! И он тоже выпил и закусил. Что происходит?

– Коллеги, у меня тоже родился тост! – с наполненной рюмкой поднялся Стас Буйкевич. – Давайте выпьем за тех, кого уже нет с нами. Кто отдал медицине жизнь, кто сгорел на работе, можно сказать, не жалея себя... Пусть земля им будет пухом...

Петру не понравился тост анестезиолога. Он демонстративно отодвинул рюмку и тотчас наткнулся на удивленный взгляд Пресницкой:

– Вы что, не хотите выпить за учителей?

– Я не хочу пить за покойников. Мне кажется немного неуместным этот тост здесь и сейчас.

Все вокруг одобрительно закивали, поднялись и выпили. Петр заметил, как красавица Монро, воспользовавшись тем, что ее кавалер произносил тост, выскользнула из-под его руки и поспешила покинуть кают-компанию.

Она хотела сделать это незаметно, но Сбитнев невозмутимо повернул камеру в ее сторону. Пресницкая хотела возразить Петру, но он извинился, резко встал и направился следом за Гридиной.

Если бы его спросили в тот момент, зачем он это делает, он бы не нашелся, что ответить. Просто захотелось пройтись, затекли ноги.

По пути к выходу он твердил себе: «Ничего удивительного в поведении оператора нет. Будь у меня камера, я бы тоже поспешил снять походку такой красавицы. Может, даже с большим рвением. Это нормально!»

В том, что Анжела Гридина – самая симпатичная и сексапильная из всех представительниц прекрасного пола на этом празднике, сомневаться не приходилось. Петр мысленно извинился за эту констатацию перед Эллой.

Насколько он помнил «досье», девушка работала в хирургическом отделении всего несколько месяцев. У мужчин при появлении на горизонте такой куколочки возникает рефлекс-торное желание втянуть живот, дабы казаться стройнее, то есть – моложе. А в хирургии большинство пациентов – прооперированные, им втягивать живот не рекомендуется. Да и не просто это в раннем послеоперационном периоде.

«Собственно, ты, Фролов, сейчас нисколько не отличаешься от этих самых среднестатистических мужиков, – сказал он мысленно себе, покидая кают-компанию. – Ты, подобно кобелю, семенишь за симпатичной сучкой, пытаешься любыми путями найти оправдание своему гнусному поступку. А его нет, этого оправдания! Нет и быть не может!»

Насколько он знал из рассказов Эллы, работая в отделении несколько месяцев, Анжела столкнулась с открытой неприязнью женской части коллектива отделения. Еще бы! Опытные интриганки сразу распознали в ней серьезную соперницу. А хирурги – в основном мужчины и отнюдь не пенсионного возраста. Что ж тут непонятного?

Оказавшись в коридоре, Петр оглянулся и никого не увидел. Потом прислушался, насколько позволял гул голосов, доносившийся из кают-компания, и – снова ничего. Поднялся на второй этаж, прошел из конца в конец. Через пару минут услышал мужские голоса и топот на лестнице, понял, что добежать до туалета не успеет, толкнул ближайшую дверь – она оказалась открыта. В комнате горел свет, у окна стояла сбежавшая красавица Анжела и жадно пила воду из бутылки.

При появлении Петра она поперхнулась, нечаянно плеснув содержимое бутылки себе на платье. На то самое, бордовое, которым Петр еще на стоянке залюбовался.

– Вы что здесь делаете?! – испуганно вскрикнула она.

Петр приложил палец к губам, притворил за собой дверь, оставив узкую щелку, и принялся наблюдать за происходящим в коридоре. Вскоре на этаже появился Стас Буйкевич, за ним следовал патологоанатом Лунегов.

Подбежавшая к Петру Монро тоже увидела обоих и горячо зашептала ему в ухо:

– Если меня Стасик увидит вместе с вами здесь, будет скандал.

– Поэтому сиди тихо и не высовывайся! – приказал Петр, отодвигая девушку от двери. – Главное, не мешай. Тут затевается нечто... непонятное.

– Праздник как праздник, – недоверчиво хмыкнула она, неохотно отходя от двери. – Я из-за вас могу влипнуть. Мне скандалы не нужны!

В памяти Петра невольно всплыла фраза, брошенная совсем недавно Ингой. Той не нужны были сплетни, этой – скандалы. Какие рациональные женщины в медицине работают, однако!

– Они никому не нужны, – пожал он плечами. – Но иногда случаются, без них скучновато, вы не находите?

– Хватит философствовать! Выпустите меня, слышите...

Ответить Петр не успел, так как в коридоре Лунегов догнал Буйкевича, развернул его к себе и жестко сказал:

– Зря ты в прошлый раз это сделал. Думаю, пожалеешь еще не раз и не два... Ты раскрыт, по-моему.

В эти минуты Макс особенно напоминал Петру известного барда. Горячий, азартный, бескомпромиссный, казалось, дай ему сейчас в руки гитару – и все услышат: «Надежды маленький оркестрик под управлением любви...»

Стас, оказавшись лицом к лицу с Лунеговым, удивленно вскинул брови и развел руками:

– Ни хрена себе! Максимка? Тебе, вообще, что здесь надо? Не тебе решать, что я должен делать и как... Или забыл свои долги? А это... – Петр видел, как Буйкевич мечтательно поднял глаза в потолок, улыбнулся. – Это было давно – целый год прошел. Кто старое помянет... Сам знаешь... По-моему, все получилось достаточно эффектно, стильно, и никто ничего не заметил. Мне приятно вспоминать такое. Тебе – нет, я понимаю...

– Если я заметил, то и другие могли заметить, тем более – она.

Стас резко оттолкнул Лунегова, тот едва удержался на ногах.

– Заткнись, тебе не ясно? Не пори горячку! Ты будешь молчать – все будет о'кей, а проболтаешься – сам знаешь...

В этот миг Петр почувствовал, что его кто-то треплет по плечу. Оказывается, уже какое-то время Анжела пыталась оттолкнуть его от двери.

– Пора спускаться, пауза затянулась! Вам не кажется?

– Сейчас, – отмахнувшись, как от назойливой мухи, он бросил на Анжелу короткий взгляд. – Путь освободится, и мы спустимся.

Когда он снова прильнул к щелке, то коридор уже был пустым. Куда делись двое участников недавней перепалки, он не заметил. Однако сообщать об этом Монро он не стал:

– Ты пришла сюда водички попить? – повернувшись к ней, придирчиво поинтересовался Фролов. – Только за этим?

– Ага, жажда замучила, – кивнула она, пытаясь отодвинуть его от двери. – Давайте освободим комнату, а то мы оба рискуем, и достаточно серьезно. Неужели непонятно?!

– Но ведь на столах полно минералки, морс из клюквы, наконец. У тебя здесь какая-то особая вода?

Вздыхнув, она встала перед ним, уперев руки в бока, – возмущенная, агрессивная. Он невольно залюбовался ею. От того испуга, что вспыхнул в ее глазах несколько минут назад, когда он столь бесцеремонно вломился к ней, не осталось и следа.

«М-да, настоящая куколка, – прозвучало отчетливо в мозгу. – Золотистые волосы, крохотный вздернутый носик, губки – вишневым бутончиком, а уж глаза... Кажется, такой цвет называется бирюзовым. Чувствует девица, что ей многое прощается, и беззастенчиво пользуется этим. Еще вчера – маменькина дочь, а сегодня – капризнейшее создание, проклятие мужиков. Хозяйка из нее, скорее всего, никакая. Ей бы за конспектами сидеть, сессии сдавать... В вузах, где профессура – в основном мужики. За десять лет докторскую бы защитила. Барби, одно слово... Кажется, сейчас зайдет за ширму, снимет халатик, начнет примерять одно, другое, третье...»

– Хватит на меня пялиться! – истерично крикнула Монро. Потом, испугавшись собственного крика, продолжила мягче: – Это в кайф, я понимаю, но...

Петр махнул рукой, дескать, так и быть. Повернулся, осторожно приоткрыл дверь, выглянул в коридор, осмотрелся и тихо прошептал:

– Путь свободен.

Одно с другим не стыкуется

Когда они с Монро с разницей в одну минуту вернулись в кают-компанию, то застали там странную картину. Стас Буйкевич читал стихи, как понял Петр, собственного сочинения:

И все же выше голову, коллеги!
За альма-матер самый первый тост!
Ведь кто-то должен в наступившем веке
Гадюке-СПИДу наступить на хвост!

На поэта обрушился гром аплодисментов, а немного смущенный Буйкевич продемонстрировал всем небольшую книжку с ярко-малиновой обложкой:

– Друзья, вы не поверите, в издательстве «Трость» у меня неделю назад вышел сборник стихов «Капризы погоды, капризы любви». Все желающие могут приобрести его с автографом автора, подходите, не стесняйтесь. Стихи посвящены медицине, дежурствам, нашим будням. Профессии, короче...

Народ кинулся приобретать книги, а до ушей Петра донеслась едкая фраза:

– Тоже мне, автограф-сессия устроил. Капризуля, блин. Хотя, может, оно и к лучшему. Авось, не заметит отсутствия своей благоверной.

Петр не сразу понял, что голос принадлежал его бывшей жене. Ну, Эллочка... Ничего от нее не ускользает!

Он смотрел на то, как Стас подписывает свои книги, и не мог понять: тот ли это Ковбой, что каких-то пять минут назад разговаривал непонятно о чем с Лунеговым на втором этаже турбазы. Одно с другим никак не стыковалось: там – цинизм, открытое пренебрежение; здесь – высокая поэзия. Неужели перед ним один и тот же человек, не показалось ли ему там, сквозь щелку? Мог запросто ошибиться.

Что-то в этой поэтической идиллии было не так, что-то никак не клеилось с остальным, выпирало, а Петр не мог понять – что. Ковбой тем временем был поглощен раздачей автографов.

– Удивлен? – раздалось совсем рядом.

Петр вздрогнул, повернулся и увидел черные кудри Лунегова. Оказывается, лишь они вдвоем с патологоанатомом не стремились заполучить автограф поэта. Все остальные – даже скептически настроенная Элла – выстроились в очередь.

Макс держал в руке две наполненные стопки:

– Он такой у нас во время операций бывает, матом хирургов кроет, а потом – рифма за рифмой, глядишь, на книжку и насочинял. Выпьем, Петро...

– Ну, раз ты настаиваешь, – Фролов взял предложенную стопку. – Хотя еще час назад мы не были знакомы.

– Я тебя знаю, Элла много рассказывала. Я – Макс, приехал самый последний, если ты помнишь.

«И жену мою подвез заодно», – хотел добавить Петр, но вспомнил только что увиденное на втором этаже и произнес:

– Что она еще про меня... тебе? – он застыл со стопкой, которую хотел уже опрокинуть в рот. – Мне очень интересно.

– Расслабься, – Лунегов выпил, как бы показывая пример, смачно крякнул, схватил со стола ломтик черного хлеба, зажевал. – Ничего такого у нас нет. Мы – просто коллеги.

«Конечно, коллеги... – подумал про себя Петр, так и не решаясь выпить зажатую в пальцах стопку. – И со Стасом Буйкевичем ты просто коллега. Однако только что подслушанный

разговор приподнял завесу над такими отношениями, где вы коллегами отнюдь не являетесь. Там, скорее, волчья стая, причем Буйкевич – вожак, а ты так, на подхвате. И год назад вы что-то натворили такое, за что ты ненавидишь вожака, но сделать ничего не можешь. Лишь скрипишь зубами да твякаешь негромко».

Макс тем временем продолжал:

– Я допускаю, что у тебя могло сложиться такое мнение. Мы весь праздник шушукаемся. Но не более того, поверь...

Петр почему-то вспомнил запутанные слова Пресницкой о том, что они с ней – друзья по несчастью, но ему пока ничего не угрожает. Пока... гром не грянул. Если он правильно понял ее абракадабру, то если гром грянет, тогда у Эллы с Лунеговым все срастется. И что это за гром, черт возьми?!

Он нашел глазами Олесю: женщина в толпе других поклонниц творчества Буйкевича ждала своей очереди за поэтическим сборником, в сторону Фролова не смотрела.

Петр перевел глаза на стопку в своей руке. Все-таки интересно: что может быть общего между терапевтом, заведующим отделением, и патологоанатомом, заведующим моргом? Кроме либо совпадения, либо расхождения клинических и патологоанатомических диагнозов, естественно. Что? По идее, они должны встречаться лишь раз в неделю, по вторникам, на общебольничных линейках.

Элла на заведовании работала недавно. О том, что собирается занять кресло главврача, ему ни слова не говорила. В конце концов, это – ее личное дело, он ей не муж...

Неожиданно ему на глаза попался Цитрусов. Он кому-то очень активно жестикулировал. Петру стало интересно, и он начал искать, с кем у Валери мог состояться этот воздушный диалог. И вскоре нашел. В проеме дверей стояла Анжела и не менее эмоционально жестикулировала в ответ.

Это уж ни в какие ворота!

Что может быть общего между фельдшером «Скорой», по совместительству – байкером с нетрадиционной ориентацией, и очаровательной медсестрой хирургического отделения, крутящей роман с травматологом, пишущим стихи и выпускающим поэтические сборники?

Чтобы окончательно не свихнуться, он в один глоток опростал стопку, уселся на свое место и принялся за уже остывшее горячее.

– Ну что, нагулялся? – услышал он вскоре голос бывшей супруги. – Я видела, даже успел с Максом о чем-то перебраться парой слов.

Повернувшись в ее сторону, Петр увидел, как Элла листает малиновую книжку Буйкевича. Странно, раньше он не замечал за ней любви к поэзии. Впрочем, они уже больше года в разводе, за это время данный интерес мог в ней пробудиться.

– Увидел, перебрался... Но ничего интересного твой Макс мне не сообщил.

– Во-первых, он такой же мой, как твоя – Инга Ревенчук, – констатировала Элла, оторвавшись от поэтических строк. – Во-вторых, странно, что он тебе не рассказал ничего интересного про нее. У них не так давно был сногшибательный роман. Год назад тебя не было на празднике, у тебя дежурство приключилось, и ты не захотел меняться.

– И что интересного случилось на прошлогоднем празднике?

Петр вспомнил, как год назад, будучи еще мужем и женой, они повздорили из-за того, на чей День медицинского работника идти: медиков медсанчасти или докторов и фельдшеров «Скорой». Петр согласился тогда подмениться только при условии, что она пойдет с ним в ресторан, где праздновали его коллеги. Она наотрез отказалась. В результате он вышел на смену, а она поехала на эту же турбазу.

– Интересного много, – заметила Элла, продолжая листать сборник Буйкевича. – Например, как она буквально вешалась на шею Максиму, а он к тому времени уже начал охладевать, терять, так сказать, интерес. Переключился на другую.

Его немножко всколыхнуло услышанное, но вскоре он забыл об этом. Его больше интересовало настоящее. Приблизившись к Элле, он вполголоса проговорил:

– Скажи, ты по-прежнему не замечаешь ничего подозрительного?

Она захлопнула книжку, отложила ее в сторону и покачала головой:

– Я совсем забыла, что кликуха моего бывшего мужа – Эркюль Пуаро! – начала она ему выговаривать. Сначала тихо, но с каждым словом все отчетливее и громче. – Что он не врач, работающий на «Скорой», вернее, врач только наполовину, а на вторую половину он – следак. Диссоциативное расстройство личности, кажется, так это называется. Один другого периодически вытесняет и начинает воду мутить. Сейчас, похоже, от выпитой водки он на всю голову стал этим, вторым. Тут без экстренного вмешательства психиатрии не обойтись.

К счастью для Петра, неожиданно грянула музыка, и гости пошли танцевать. Он крепко взял Эллу за локоть, буквально перебив на полуслове:

– Я приглашаю вас на танец, сударыня!

Двинув ему легонько локтем по ребрам, она повиновалась. Весь танец оба напряженно молчали. Когда снова оказались за столом, Петр заметил:

– По-моему, мы неплохо смотрелись среди танцующих. Мы подходим друг другу. Как танцевальная пара, я имею в виду.

– Ну, разве что как пара, – с напуском сожалением ответила Элла.

Петр взглянул на часы и присвистнул: стрелки показывали половину одиннадцатого. У него было ощущение, что праздник только начался, а на самом деле... Не зря его так клонило в сон.

Выпито и съедено достаточно, пора и честь знать. Он встряхнул головой и едва не рухнул посреди танцпола: в его объятиях была Инга. А Элла косилась на них, обнявшись в танце с Лунеговым. Выходит, он настолько напился, что в его мозгах абсолютно не отложился промежуток между танцами.

– Хватит ломать глаза, – приказала его бывшая любовница, легонько ткнув своей острой коленкой ему в бедро. – Этот танец – мой, и я хочу насладиться им по полной. Смотри на меня!

– Можно узнать... тему кандидатской? – с трудом выговорил Петр, все еще находясь в прострации.

– Туберкулезное поражение голосовых связок, я давно этим интересовалась, – нехотя пропела она. – Ты вряд ли помнишь, но мы с тобой про них как-то говорили. Чистая фтизио-лярингология. Не так уж редко встречается, кстати.

– Да, что-то припоминаю, – глубокомысленно заметил он, хотя вспомнить даже не пытался. – Как ты умудряешься совмещать диссертацию с работой, не понимаю.

– У тебя устаревшие данные, я уже год как не работаю в медсанчасти. За это время успела собрать материал, систематизировать, подготовиться...

– погоди, погоди, – замотал головой Петр. – А как же тогда освободившаяся должность главврача? Или это тоже устаревшие данные?

– Почему же? – кокетливо улыбнулась Инга, взглянув на него снизу вверх. – Как раз самые свежие. Мне предложили. Я пока думаю, браться за докторскую или подождать...

Голоса за перегородкой

Он проснулся в полной темноте от того, что его мочевой пузырь рисковал разорваться, спровоцировав таким образом в животе острую хирургическую ситуацию. Сев на кровати, Петр прислушался.

В приоткрытое окно доносился отдаленный гул шоссе, звенели кузнечики. Голову словно кто-то наполнил жидким гипсом и оставил застывать: тяжелая и гудящая, она ничего не соображала.

На койке рядом мирно посапывала Элла. Простыня сбилась к ногам, ночнушка задралась. Петр залюбовался выпуклым бедром супруги. Они явно поспешили с разводом!

Он потряс головой, взъерошил волосы. Выходит, он не помнит, как они вернулись в номер, как легли спать. Возможно, о чем-то говорили... Или он был в полном отрубе и бывшая супруга вынуждена была его тащить на себе? Он ничего не помнил, словно кто-то подсыпал ему в водку клофелин.

А что, если так и было?

Он с трудом нашел трико, оделся и осторожно, чтобы не разбудить Эллу, вышел в коридор. Гробовая тишина турбазы только подтвердила его опасения. Когда все спят мертвецким сном, происходит самое мерзкое.

Он взглянул на часы, которые не снимал с руки вторые сутки. Стрелки показывали половину второго.

В туалете у него закружилась голова, он чуть не потерял сознание. В чувство его привели звуки из соседней, женской половины.

Сначала слышались шорох и скрип дверей. Потом – цоканье каблучков и резкий вздох.

– Не поняла, – раздалось за перегородкой. Петр узнал удивленный голос Инги. – Тебе что здесь надо? А, напился так, что не смог добежать... Ладно, уматывай, пока я добрая.

Шаги направились к дверям и вскоре затихли. Скрип дверцы – кто-то покинул туалет.

Кого она там застала? Кто так удивил Ревенчук? Мужчина!

Петр хотел быстро выглянуть в коридор, но понял, что не успеет – может поскользнуться и растянуться на кафеле. К тому же в женскую половину в этот момент вошла еще одна женщина.

Сначала за перегородкой все происходило молча, потом Петр услышал голос Инги:

– Видела нахала? Наплюй. Забудь! Не отвлекайся на ерунду, – в приказном тоне выдавала его бывшая любовница. – Все по плану? Ты все сделала, как я просила?

– Да, все спят – пушкой не разбудишь.

Голос отвечавшей Фролов слышал впервые, причем готов был поклясться, что за столом с ними его обладательница точно не сидела.

Что, если это – сотрудница турбазы? Петр забыл, зачем он пришел в туалет – в гудящей голове голоса говоривших раздавались, как в пустой бездонной бочке, он разбирал их с трудом.

– Хорошо, документы я подготовлю. В понедельник подходи в отделение, посыльный лист на твоего мужа будет лежать под стеклом у медсестры на мужском посту. Запомнила? На мужском!

В этот момент за перегородкой зажурчала вода, по-видимому, Инга решила сполоснуть руки. Различать голоса стало трудней.

– Спасибо, Инга Яковлевна, век не забуду, я вам очень обязана.

– Хватит раболепства! И не надо меня по имени называть! Здесь стены имеют уши, запомни! – оборвала собеседницу Ревенчук. – Сейчас идешь к себе – и чтоб носа не показывала до утра. Увижу – никакого посыльного, усекла?

– Не беспокойтесь, буду сидеть, как мышка.

- Ключ в условленном месте, как договаривались?
- Да, положила еще утром. Там все готово.
- Все, спасибо. Иди к себе и не высовывайся!

Посыльный лист на мужа на столе у медсестры на мужском посту в понедельник – это уже кое-что! Это конкретика, которую можно проверить. Кое-что состыковалось в мутной, почти не соображающей голове доктора. Это ниточка, потянув за которую можно распутать все дело... Но какое, черт возьми, дело? Что здесь затевается? Какая-то пакость, без сомнения.

Удручало еще и то, что, похоже, во главе всей этой нелюбезной затеи находилась его Инга. Властная, расчетливая, не терпящая малейшего раболепства, она руководила всем. Правда, чем именно – он не представлял даже примерно. Самым невыразимым, болезненным и удручающим было то, что Инга все еще волновала его. Как женщина. Он это понял в те короткие минуты, когда случайно довелось обнять ее.

Петр сжал кулаки: надо было уехать со стоянки домой, ведь хотел же! Собирался! Тогда была возможность.

Что помешало? Что удержало?

Он напряг туманные мозги: тогда приехал Сбитнев – уролог и оператор одновременно. Квадратный, лысый, немного неуклюжий, чем-то похожий на медведя. Вообще-то он приехал раньше, чем нужно. Минут за двадцать. С объемной сумкой.

Сейчас, в принципе, еще не поздно сбежать...

Он знал, что никуда не уедет. Уже не уедет, не имеет права!

Когда в дамской комнате все стихло – ее обитательницы сделали свои дела и покинули ее, – он рванулся было к выходу, но тут почувствовал, что еще шаг – и не выдержит. Слишком много было выпито.

Кто из мужиков мог ночью случайно зайти в женский туалет? Это ж надо так напиться! Хотя... Пьяный в доску так резво кабинки не покинет! Он будет мычать, ругаться... Нет, не похож этот Мистер X на напившегося.

Спустя пару минут Петр вышел, шатаясь, в коридор и прислушался. Мертвая тишина обезоруживала. Как будто ему померещился этот диалог. Да, он все еще под кайфом, и нешуточным, но эти женщины при нем разговаривали! Ему не приснилось, у него нет слуховых галлюцинаций!

Голос второй говорившей он узнает непременно. Если услышит, конечно. Она наверняка работница турбазы. Скорее всего – с кухни, имеет отношение к приготовлению блюд. Она и усыпила всех. Петр знал, что при определенном стечении обстоятельств – это серьезное преступление!

Пройдя из конца в конец по первому и второму этажам и ничего не услышав, он вернулся к себе в комнату, разделся, лег в постель и мгновенно уснул.

Пирсинг Великого Октября

Проснулся он от того, что его кто-то сильно тряс за плечо. Он с трудом оторвал голову от подушки и разлепил глаза. В комнате было еще темно, но небо в оконном проеме уже светлело. На его фоне он кое-как разглядел лысую голову Антона Сбитнева.

– Петро, просыпайся, – горячо шептал уролог, то и дело трясая своей гладкой головой. – И срочно выходи в коридор, я тебя там жду. Срочно, слышишь, без разговоров.

– Что случилось? – прохрипел спросонья Петр, собираясь запустить в уролога подушкой. – Ты что, сдурел? Сколько времени?

– Еще рано, все спят. И будить их не надо. Да, случилось, срочно просыпайся и выходи. Смотри, жену не разбуди. Лучше пусть поспит еще.

С этими словами Сбитнев исчез. Петр кое-как сел на койке, взъерошил волосы. Свет, пробивающийся под дверью из коридора, неожиданно заслонила тень. Уролог нервничал, ожидая его, вышагивал туда-сюда. Петр решил не испытывать его терпения, быстро надел трико и вышел.

– Я слышал, ты из нас – самый соображающий в этих делах...

– В каких делах? – не понял шурящийся от неоновом света Фролов. – И от кого ты мог это слышать?

– Это не важно, – оборвал его Энтони, – просыпайся скорее. Тут такое творится, мама, не горюй! Только спокойно, без ненужных рефлексов. Короче, Ингу эту, похоже, прикончили...

– Что?! – Петр схватил уролога за майку, в которой тот был, и закричал, не обращая внимания на все предупреждения Сбитнева: – Повтори! Повтори, что ты сказал!

Тот без труда высвободился из рук Петра и зажал ему рот:

– Я же сказал, без рефлексов!

От ладони, зажавшей рот Петру, почему-то пахло гипсом. Словно уролог только что занимался не свойственным ему делом – гипсовой иммобилизацией переломанных конечностей.

Когда доктор немного вышел из шока, они направились в комнату Инги, которую, насколько Петр помнил, она делила с Олесей Пресницкой.

– Я решил ее наказать, понимаешь... За вчерашние слова... Ну, ты помнишь нашу перепалку насчет вегетарианства и прочей ерунды... Как когда-то в лагере, хотел вымазать ее зубной пастой. Прикольнo бы получилось.

– Ты ничего лучше не придумал? – строго спросил Петр, останавливаясь возле комнаты Инги. – Все еще детство в заднице играет?

– Ну, извини, хотел отомстить, если хочешь. Это наш с ней блудняк, ты в него не лезь... Кстати! – уролог взглянул на дверь, которую Петр собирался открыть. – Инги там нет, ее труп лежит в другой комнате.

Петра передернуло от услышанного, он застыл на мгновение, не зная, что ему дальше делать.

– И где же... эта комната? Ведь Инга здесь поселилась вместе с Олесей Пресницкой, так? Говори, не тяни!

– Я тоже так сначала подумал, но, когда подходил, наткнулся на Пресницкую, она и сказала мне, что Инга в этой комнате не ночевала. Я потом заглянул для полного спокойствия, уточнил. Пойдем, мне Пресницкая показала, где...

– Так, может, ты ее и того? – предположил Петр, направляясь за урологом. – Вы вчера шикарно лаялись за столом, многие это слышали. Мне было бы обидно, окажись я на твоём месте.

Уролог остановился, Петр чуть не налетел на него.

– Это что, шутка такая? Я смеяться должен?

– Не должен, – уточнил Петр. – Задуматься ты должен. Ладно, давай, показывай, где ты ее обнаружил.

Уролог усмехнулся одной половиной лица:

– Хе, я уже начинаю жалеть, что тебя разбудил. Надо было идти досматривать сон. Пусть бы другой кто-нибудь потом на нее наткнулся.

– Кстати, почему тебе не спалось? Вся турбаза дрыхнет так, словно наглоталась барбитуратов, а ты перед рассветом бродишь, пастой мажешь коллег... Ты – сомнамбула?

– Да сосед мой всю ночь шастал. Он странный, ты сам знаешь, – поморщился Энтони, вспоминая Цитрусова. – Все дела какие-то у него. То придет, то уйдет. А я сплю чутко... Вот и решил, что зря такое утро терять. Дай-ка подшучу, пока у всех крепкий сон.

Они медленно, стараясь не шуметь, поднялись на второй этаж. Сбитнев впереди двигался практически бесшумно, несмотря на внушительный вес.

Когда вошли в комнату Инги, рассвет в окне уже неплохо прорисовывал детали, от которых становилось не по себе. Одна из коек была застелена, на другой лежало накрытое простыней женское тело.

«Почему ты подумал, что тело женское, дружище? – поймал себя на мысли Петр. – Ведь простыня скрывает все... Или почти все!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.